

Приложение
к книге Натальи Ковылиной "Истинное – незримо".
Интервью с Автором

Июль 2016 г.

Тереза Стизорик: Наталья, быть Поэтом, которого попрекают сложностью, – что это: упрямство, предназначение, рок, недоразумение?..

Наталья Ковылина: Поскольку мои стихи отражают мою внутреннюю жизнь, показывают меня-настоящую, упрёки в сложности – это, конечно же, рок, ведь *моя судьба* быть именно таким человеком. Здесь у меня нет выбора, но нет и обиды: мне очень нравится то, что мне дано; я не тягочусь – я наслаждаюсь. При этом Предназначение – слишком громкое слово для меня. Я немного побаиваюсь его, потому что мне кажется, с ним можно закоснеть. Оно сковывает своей серьёзностью и держит в каком-то неестественном напряжении. Мне же хочется свободы и игры; состояние творческого ребёнка – вот что мне близко. Дети не задают себе вопросов "не стать ли мне проще", "не стать ли мне сложнее", не строят планов вроде "в каком направлении я хочу развиваться", они просто остаются внутренне живыми, готовыми к наблюдениям и озарениям, к неожиданным поворотам. И это одна из причин, по которой я сама не хочу называть себя "сложным поэтом": чем меньше рамок определений, тем больше возможностей.

Тереза: Поэт задаёт меры простоты и сложности восприятия своих работ – или эти меры свои у каждого Читателя и повлиять на них нельзя?

Наталья: Сказать "задаю" могу только условно: это то, как складывается, как поётся. Мера сложности изложения отражает именно ту глубинную часть меня, которая раскрывается в данном произведении. Что касается Читателя... да, многое,

наверное, зависит от его индивидуальности, характера мышления, от его настроения в момент прочтения, в конце концов. Над книгой – каждый думает о своём. Так образ золота в моих стихах, золота как символа высшего и божественного, кто-то может воспринять как метафору жажды денег. Ничто в стихотворении не подталкивает к этой ассоциации, в нём символ высшего золота подкреплён и другими подобными символами – это золото неба или моря, золото огня. Но если читателю понятнее золото как деньги – он его и усмотрит.

Тереза: Стихи – в каком-то роде шифровки: подтекста, реальности, личного отношения Автора... Нужно ли в самом произведении оставлять для читателя ключи к шифру – или лучше дать ему возможность найти собственные отмычки?

Наталья: Я думаю, ключи к шифру существуют в произведении всегда, хотя бы в виде ассоциативного ряда, связи определённых образов с заданным настроением, иначе это была бы совершенно невоспринимаемая галиматья. Другое дело, *в каждом стихотворении мы находим разное количество ключей*. Стих может быть полностью декларативным, то есть, содержащим точно высказанные идеи, чёткие мысли. Это максимум ключей и минимум возможностей для читательской трактовки. Или же стих может быть загадочным, наделённым таинственным подтекстом, выхватывающим читателя из рутины. Такие стихи мне нравятся. Я люблю стихийность, люблю, когда меня ведут – и я не знаю, что откроется за поворотом и во мне самой.

На мой вкус, чем меньше ключей и, соответственно, *чем больше нужно отмычек*, тем лучше. Когда ты что-то чувствуешь, не имея возможности ни объяснить, ни уловить до конца, – для меня это самое чудесное в поэзии, самое ценное. Как читателю, который пишет и сам, мне интересно бывает сохранить в себе этот уловленный *импульс* и позже превратить его в собственные творческие рассуждения.

Тереза: Интуитивное в творчестве – много для тебя значит. В твоём творческом мире – чаще ты управляешь наитиями или они управляют тобой?

Наталья: Мне не хочется управлять своими наитиями. Мне интересно к ним прислушиваться. Они мудрее моего опыта, глубже моего сознания. Там, в этой непонятной глубине, как раз и может всё органично сложиться: слово, образ, звук, смысл. Управлять – значит блокировать.

Многие люди боятся давать волю своим наитиям. Кажется, дай себе волю – и из подсознания такое полезет! Обязательно плохое, почему-то, как будто здесь работает установка на свою никчёмность. "Если я такой плохой, то зачем мне открывать глубинного себя? Ничего хорошего в моём потаённом быть не может". К счастью, само дарование способно пробить подобные установки своей силой. Это ощущение мощи, света, правды.

Я не говорю, что из подсознания приходит только чистое, светлое и мудрое, разное может прийти, но, в конце концов, мы сами решаем, что с этим делать. Решение, какими плодами наитий делиться с другими, остаётся за нами.

Тереза: Одни пишут стихи в ясном сознании, а другие впадают для этого в подобие сна наяву. В чём сходство этих Сочинителей и в чём различие?

Наталья: Я отношусь, конечно, к интуитивным сочинителям. Мой сон наяву – это некоторое ослабление концентрации сознания, как перед засыпанием или когда, как говорится, ушла в себя. Знаю авторов, которые утверждают, что им, напротив, необходима мощная концентрация. У этих авторов, как правило, тексты предметные, логичные, часто – сюжетные. То есть, хороший рассказ о чём-то, обстоятельное изложение мыслей и идей. Как публицистика в стихотворной форме.

"Сознательным" сочинителям бывает трудно понять "Интуитивных". "Интуитивным" же недостаёт пространства в творчестве "Сознательных".

Различие в том, что "Интуитивные" больше внимания уделяют самим своим ощущениям, а "Сознательные" – литературной *работе* со своими ощущениями... То есть, "Сознательные" не просто принимают свои ощущения, но ищут дальше.

Сходство в том, что даже в ходе кропотливой и рассудительной работы у "Сознательных" тоже включается творческое начало, происходят озарения (в ином случае из-под их пера выходили бы мёртвые тексты), хоть и происходит это несколько

иначе. И потому в стихах "Сознательных" тоже встречаются сложные, неясные вкрапления, понимаемые лишь интуитивно. А "Интуитивные" тоже знают, как написать логически выстроенный стих на заданную тему, какие литературные приёмы можно использовать, хоть для них это второстепенно и не всегда интересно. Исходя из этого сходства, можно предположить, что среди сочинителей нет "чистых типов", можно говорить лишь о преобладающей манере.

Тереза: Ты думаешь, у "Интуитивных" и "Сознательных" Сочинителей разные только средства – или и цели разные также?

Наталья: Цель "Сознательных", на мой взгляд, – как можно более точно изложить суть, не упустить детали. Для них важно, чтобы читатель воспринял всё точно так, как они хотят сказать. Такие поэты способны влиять на умы и настроения, выступать в роли носителя истины. Цель "Интуитивных" другая – им важно пригласить читателя к сотворчеству. Увлечь его в некоторую сферу, где нет чётко очерченных смыслов, есть лишь предмысль, предчувствие, энергия. Поэт такого плана приглашает побыть в этой сфере, посозерцать, побеседовать. "Смотри, я вижу это, а что видишь ты?" Читатель здесь находится в очень сильной позиции. Но в глобальном смысле – у высокой Поэзии цель одна: отразить и запечатлеть Высшие Смыслы. И вот для этого – у каждого свои средства. "Интуитивным" их средства позволяют более естественно, не вдаваясь в детали, ситуации, характеры, передать потустороннюю глубину явлений, их скрытую суть. "Сознательные" же с их средствами – напротив, идут от внешнего, от деталей, событий, характеров, но также приходят к выражению очень глубоких, надмирных вещей. Я думаю, хорошая поэзия, великая – всегда выражение надмирного, каким бы путём она ни шла.

Тереза: Что в большей мере характеризует твою творческую манеру – привнесённое в стихи сознательно или подсознательно?

Наталья: Подсознательное – в большей мере, и его у меня больше всего. Я не пишу стихов по плану или с задумкой, всё идёт само, и всё это новое и неожиданное для меня самой. Поэтому мои стихи не требуют от читателя какого-то определённого уровня образования, это я уже знаю точно. Они содержат символы и смыслы универсального плана: то, о чём писал Карл Густав Юнг. Наше подсознание откликается на определённые символы, и существует своего рода матрица, общая для всех людей, в которую эти символы вживлены. Это то, как все мы воспринимаем небо, огонь, ночь, звёзды, разных животных, людей, числа, геометрические формы и тому подобное. Такие символы и их сочетания, которые легко воспринимаются подсознанием, мы находим, прежде всего, в мифах. Язык мифа универсален. То же можно сказать о стихах с элементами мифологического видения, к которым я отношу многие свои стихотворения.

Тереза: Стихи-ощущения, стихи-ассоциации – кажутся бессюжетными. Стоит ли искать в них завуалированную драматургию, или они тем и хороши, что не привязаны к конкретной истории?

Наталья: Возможно, это парадоксально, но в большинстве моих ассоциативных стихов – так или иначе присутствует сюжет. Обычно начинается с одного действия или состояния, следуют одно-два промежуточных, и – финал. Стоит ли это намеренно отслеживать? Если и стоит, точно не в процессе первого прочтения. Для того, кто читает стихотворение впервые, главное как можно более открыто впитать его, позволить ему *влиться*, вызвать волну ответных чувств, ассоциаций и какое-то особенное ощущение со-проживания, прикосновения к чему-то невыразимому. Да просто получить удовольствие. Стихи ведь созданы для наслаждения. Хотя в них может быть и много боли, эта боль, как и всё прочее, переплавлена в иную форму реальности.

Если мы говорим о том, что даёт отсутствие конкретики, то мне кажется, оно-то и усиливает со-проживание душевного состояния, отражённого в стихотворении, его внутреннего смысла. Такие стихи я бы сравнила с музыкой. От музыки сложно закрыться, защититься, она захватывает нас помимо воли. Сила её воздействия очень велика. Подобно музыке, стихи без конкретного смысла – будто бы обходят наши

внутренние защиты, вторгаются в самое нутро, особенно, если сам Автор читает их перед аудиторией.

Тереза: На ассоциативное восприятие, в особенности подкреплённое любовью к контрастам, нередко ставят клеймо нелогичности. По-твоему, стихи-ассоциации – это вызов логике или её особая форма?

Наталья: Я думаю, особая форма: эдакая "логика сна". Сон ведь выглядит очень странным, но там всегда есть что-то смысловое, мы интуитивно можем это ощущать, даже когда слышим пересказ сна другого человека. Между сном и творчеством вообще очень много общего.

Искусство в целом не должно быть точным слепком с реальности, оно имеет неотъемлемое право быть нелогичным и "не как на самом деле". Что уж говорить конкретно о Поэзии, которая произрастает из мифологического сознания. Мифы и сказки просто фонтанируют "нелогичным", многие вещи необъяснимы, фантазия же – беспредельна. Но всё это не выглядит бессистемным, наоборот, перед нами разворачивается реальность иного рода, в которую бесконечно интересно погружаться.

Тереза: Широко известно высказывание Томаса Эдисона: "Талант это один процент вдохновения и девяносто девять процентов труда". Если человек пишет по наитию, покорно принимая приходящие как бы извне строки, не является ли он, *не трудящийся*, "тунеядцем от мира искусства"?

Наталья: Не будем отрицать, тот, к кому стихи приходят, может так выглядеть, и оправдаться нечем. Можно, конечно, сказать, что такой автор много читает и размышляет, то есть, активно трудится вне творческого процесса, но и сознательно пишущие тоже этим занимаются. Так что, оправданий никаких. Упорный труд вызывает уважение в глазах окружающих, а тут этого нет. Но вряд ли стоит бояться прослыть тунеядцем, когда результат хорош. Получается легко и быстро? – главное, что получается.

Вообще, дар, талант – это всегда о тунеядстве. Действительно, дано ни за что, просто даром. У тебя получится за две минуты то, что у другого никогда, сколько бы ни трудился. Жаль, что не все люди ставят целью отыскать именно свой талант, вместо того чтобы ставить новые и новые трудовые задачи.

Тунеядцем на самом деле быть хорошо и просто: ты *отдыхаешь, когда работаешь*, радуешься, паришь. Мало что может сравниться с этим по наслаждению. Сочинительство, размышление, чтение – всё это радость, баловство, удовольствие... глубокое, изысканное удовольствие. В этом нет ничего плохого. Нас с детства приучают к нелепой серьёзности, упорядоченной деятельности и так далее, и мы забываем, каково это – играть и по-детски радоваться тому, что делаешь. Гении – это радостные лентяи.

Тереза: Признание Поэта в том, что стихи к нему "ниспосланы", что они "просто приходят", что записаны "под диктовку", зачастую встречают недобрый сарказм. Почему такой вид Поэзии вызывает у многих иронию и пренебрежение?

Наталья: Большинство людей любит предельную ясность, потому что на их вкусах сказываются определённая традиция в изучении литературы и *нежелание заглядывать внутрь себя*. Иронизируют над наитием те, кто наитие себе позволить не может, так как для этого нужно быть внутренне свободным человеком, по крайней мере – стремиться идти по пути свободы. Они же своей свободы не отстояли, и за это нельзя осуждать, всяко бывает. Печально то, что, оставаясь заложниками шаблонов, они отстаивают свой плен, попирая свободу других. Над теми, кто хочет быть собой, люди смеются, чтобы не будоражить собственные зажатые желания. В душе-то абсолютно каждый хочет быть свободным, это в самой природе человека. Увы, несвободным общество делает сама сложившаяся исторически система воспитания и образования, которая направлена против того, чтобы позволить человеку развиваться в самобытности. Самому восприятию стихов – нужно учить с детства, чтобы человек мог открывать для себя собственное видение художественных произведений.

Каждый, кто позволит себе жить и мыслить "от себя", жить от души, кто позволит себе свою же родную внутреннюю реальность, непременно поймёт, как всё это

приходит. Не обязательно слова, не обязательно стихи: *озарения*. Как будто кто-то их действительно даёт. Принимать даримое свыше – это нормальный, естественный образ жизни души.

Но отдельно нужно сказать о том, что негативному восприятию интуитивных стихов послужило широкое распространение поэзии псевдотворческого и даже невротического характера. Направление интуитивной поэзии первым попало под удар фальсификации, потому что "невротические" стихи тоже не обладают внешней логической формой, тоже как будто "записаны под диктовку". Видимо, в этом русле легче спрятать отсутствие дарования. Читателю же стало довольно сложно разбираться в этом многообразии "нелогичности", сложно отличать глубокое и настоящее, поскольку для этого нужно иметь вкус, обладать определённым навыком чувствовать и понимать стихи... опять же, свободой и открытостью собственным ощущениям.

Сейчас такое время, когда во многих сферах искусства происходит подмена глубокого и настоящего низкопробным и вычурным. И неудивительно, что люди начинают негативно реагировать на любую "непонятность". Вообще, мы живём в эпоху поклонения *рацио*, логике, научному восприятию мира, причём наука подаётся людям нетворчески, неглубоко. Какой-то крайне усечённый вариант видения мира и человека. Разве это способствует творческому процессу, развитию восприятия искусства?

Тереза: Подскажи тем, кто пишет по наитию, как обосновать свою позицию, столкнувшись с иронией, как объяснить саркастично настроенному человеку, что есть наитие и почему *услышанные* стихи – имеют такое же право на существование, как *придуманные*.

Наталья: Сарказм – это психологическое насилие, и стоит ли чувствительному человеку вступать в полемику с насильником, это сомнительно. Но можно настроить себя на бесстрашие. Для того, чтобы снять зажимы страха, я, например, иногда пишу *разминки* – такой поток слов, образов, абсолютно абсурдный. Пишу – и словно говорю своему подсознанию: "Не бойся... всё, что ты скажешь, будет принято и не будет высмеяно... Не бойся..." Я полагаюсь на то, что выход моему творческому началу будет давать не страх, а бесстрашная свобода, которая в дальнейшем сама свяжет смысл, ритм, выразительность. Желаящий стать немного уверенней – может испробовать этот мой метод.

Тем, кто сталкивается с жестокой критикой, я посоветовала бы также не поддаваться искушению сыграть в угоду публике: когда ты *"завоёвываешь"* читателя – это не так приятно, как когда к тебе *притягивается* твой читатель. Помимо тех, кто глумится и осуждает, будут и те, для кого твои строки по-настоящему значимы.

Тереза: Каково это лично для тебя – когда стихи не сочиняются, а *приходят*? Как это происходит и что ты чувствуешь?

Наталья: Бывает, что приходит одна строка, потом другая – лихорадочно ищешь блокнот и ручку, а стихотворение идёт дальше, раскручивается как спираль. Странно: это твоё, происходит внутри тебя, но в то же время спонтанно, без твоего участия. Бывает так, что появляется картинка, поэтические строки идут вместе с видеорядом. С каждой строкой всё больше перехватывает дыхание. Это замечательное чувство – наполнение смыслом и светом. К сожалению, готовое стихотворение способно передать лишь малую часть мощи того процесса. И если стих сложился не до конца, я смотрю, что можно добавить, что поменять.

Тереза: Если бы сейчас ты начала писать стихи осознанно, продумывая их и работая над ними, они отличались бы от стихов-наитий, или ты постаралась бы сохранить уже ставший тебе близким стиль?

Наталья: Я не представляю себе, что я бы начала писать осознанно. Зачем? Если только переводы или переложения чего-либо. Иногда пишу пародии и эпиграммы, стиль в таком случае сохраняется частично. Мне сложно перейти, к примеру, на некрасовский стиль: я обязательно что-нибудь эдакое верну ☺.

Когда пробую писать рассудочно, мне не нравится ни процесс, ни результат: создается ощущение, что я эксплуатирую свой дар. "Любовь стоит того, чтобы ждать" – это о моей любви к написанию стихов: периоды творческого застоя, когда я

жду, что стихи придут сами собой, я предпочитаю самопринуждению к сочинительству "от ума".

Для меня поэтическое творчество – это в первую очередь озарение, "услышивание". Сознательное "придумывание" я бы скорее сравнила с прикладным творчеством: мелкой росписью, вышиванием.

Тереза: Образное мышление и ощущение себя "не от мира" – что из этого причина, а что следствие?

Наталья: Моё ощущение себя "не от мира" – базовое, оно очень сильное. От него моё образное мышление подпитывается энергией и вдохновением. Когда я, бывает, теряю ощущение "неотмирности", внутри возникает вакуум. Тогда моё образное мышление оказывается просто инструментом, который не действует сам по себе.

Тереза: Ты пишешь о себе: *«Моё "безумие" – жить сразу в двух мирах. Здесь – быть приемлемым, "нормальным" человеком, и делать всё, что нужно, и... быть внутренне свободной и открытой непостижимому»*. В чём заключается эта "нормальность" и в чём заключается эта свобода?

Наталья: Наверное, я только начинаю нащупывать тот свой путь, на котором можно будет жить, не скрывая того, какая я есть на самом деле. До сих пор мне было сложно открывать другим эту *настоящую* часть себя. С детства учишься отдавать кесарю кесарево, а внутри себя жить совершенно иной жизнью, не имеющей с этим "кесаревым" ничего общего. Будучи такой, как есть, можно, как минимум, столкнуться с непониманием, высмеиванием или обвинением в превозношении над другими. Превозношение, конечно же, не имеет отношения к моему самоощущению. Я всегда сфокусирована на чём-то не-житейском. Мне всегда интересно, как ту или иную деятельность можно рассмотреть с точки зрения "того" мира, что она может дать "той" жизни. Это является для меня сильным мотивационным моментом.

"Нормальность" заключается в том, что внешне я обычный человек, я не эксцентрична, не веду какой-то специфический образ жизни, нет особенного имиджа и позиционирования себя. Свобода – в том, что всё социальное мне почему-то всегда было в тягость: я ощущаю во всём этом нехватку какого-то очень важного для меня компонента, и я свободна получить его из других источников. Это бывает больно: получается, что мой мир отделён от внешнего мира с его искажённостью общества. Но это всегда такое счастье – окунуться в свой настоящий мир! Как будто сбегаешь со скучного урока в волшебную страну. Эти "побеги" я стараюсь совершать тайно, быть обычной и привычной, то есть, говорить в основном на темы, не очень мне интересные. Правда, я уже не хочу и не могу больше так жить. К счастью, литература – одно из таких измерений, где можно спокойно быть собой.

Тереза: Расскажи больше о жизни на грани миров.

Наталья: Я человек определённого склада, причём с рождения. Я всегда такою была. Я ощущаю глубину и высоту, эти понятия для меня совмещаются. Мой внутренний взгляд не останавливается на общепринятой реальности, он проникает дальше, дальше... Это можно сравнить с ощущениями при просмотре фильма: в кинотеатре с 3D – у меня 7D, такое вот видение.

Моя внутренняя реальность не даёт мне сомневаться, есть иной мир или нет, есть Бог или нет. Этих вопросов для меня просто не существует. Иногда мне совестно, что не у всех так. Я не понимаю, почему Творец не сделал это видение доступным для каждого. Мне кажется, было бы очень хорошо.

У меня бывают и маленькие крушения. Порой я оказываюсь рыбой, выброшенной на берег. Чувствую себя ограниченной, подвластной всему и всем. Но и тогда память о том, ином способе существования – остаётся. Всё равно это во мне есть, хоть я и не могу в некий конкретный момент прикоснуться к той глубине.

Тереза: Как ты чувствуешь, ты выполняешь миссию иного мира в этом мире, или миссию этого мира в другом?

Наталья: "Миссия этого мира в другом"?.. Мне привычно думать, что тот мир ни в чём не нуждается, там – средоточие всего, и проводить задачи можно лишь в одном направлении: оттуда – сюда, в мир, далёкий от Полноты. Но если задуматься над тем, сколько свободы дано нам в этом мире, сколько мы можем делать и решать,

возникает вопрос, не влияем ли мы каким-то образом и на более тонкие планы бытия. Всё возможно. О своей миссии я не думаю. Что я могу? Ну, может быть, через своё творчество передать импульс чьим-то исканиям и размышлениям. Но ведь так же и я подпитываюсь от других.

Тереза: Когда ты особенно остро чувствуешь себя "не от мира", что придаёт тебе сил для жизни в мире, которому ты принадлежишь не до конца?

Наталья: Действительно, какие-то жизненные вещи, даже самые простые, порою настолько ранят! Я вижу, что у некоторых есть иммунитет к неприятным жизненным вещам. А я могу переживать их очень остро. Само существование в этом теле – не во всех аспектах воспринимаю хорошо. Помогает соприкосновение с людьми подобного склада. Оно меняет ракурс восприятия всего. Причём, речь не только об общении с современниками, но и о чтении книг сходно мыслящих людей всех времён.

Сил придаёт и появившаяся с недавних пор решимость не убегать от неприятных чувств, а встречать их и проживать. Это делает меня более жизнеспособной.

Тереза: Ты хотела бы жить не в двух мирах, а только в том, другом?

Наталья: Если говорю "да", сразу становится жаль этого мира. Я к нему уже привыкла, не хочется расставаться с ним раньше срока. В нём много прекрасного и удивительного, и только боязнь возможной боли препятствует чувству радости жизни. Я не хочу бегства в иной мир – я искренне желаю, чтобы этот мир преобразился и два мира наконец соединились в один.

Тереза: То Незримое, что вдохновляет тебя, – в большей мере внутреннее или внешнее?

Наталья: Внутреннее. Внутренние образы, ощущения, периоды одухотворённости. А из внешнего незримого – вдохновляет устройство природы, невидимые взгляду процессы. Именно незримое служит подоплёкой тому, что мы наблюдаем. Даже истинная суть человека – незрима. Каждый человек – тайна.

Тереза: Эфемерные образы вдохновляют тебя сильнее, чем люди?

Наталья: Да, это так. Не могу писать, выводя характеры героев, описывая жизненные ситуации. Из-за этого я всегда думала, что проза – это не моё, но мне удалось найти свою форму выражения в прозе: это миниатюры с минимумом жизненных подробностей.

Интересно иногда придумывать существ, живущих в метафизическом мире. Меня привлекает образ лермонтовского Демона. Образы Луны и Солнца, моря, ветра, неба. Природные образы, наделённые сверхъестественными чертами.

Тереза: Что в творчестве даётся тебе легче всего, а что труднее?

Наталья: Легче всего следовать за вдохновением. Труднее всего возвращаться к работе после того, как разум вмещался в дела вдохновения со своим "так не бывает!" или начал участвовать исподволь: "А давай-ка сделаем вот так, сведём вот к этому". Пойдёшь на поводу – и возникает чувство тупика, а то и отвращения. Кажется, что ты больше ничего не сможешь написать.

Тереза: Ты почерпнула много ярких образов в природе и природных явлениях. Какой уголок и какой день запомнился тебе как идеал поэтичности?

Наталья: Конкретный день выделить сложно, а насчёт места – всё просто, это мой родной сад: большинство стихов о природе написано либо в нём, либо с воспоминаниями о нём. Это очень старый яблоневый сад, доставшийся в наследство нашей семье и чудом сохранившийся за нами при советской власти, когда не разрешалось иметь много земли. Сад, а вокруг дикая природа – болотистая местность, опущённая рощами, дикими садами. На горизонте – меловые горы, за которые садится солнце, и я не могу пропустить ни одного заката. Вечером, лёжа на крыше, можно "уйти" в звёздное небо. Цветущий сад, а над ним звёзды – это, наверное, идеал поэтичности.

Главная подпитка моей души в том, что я выросла на природе, где вольготно, много простора и красоты, постоянно сменяются природные явления. Я просто насквозь пропитана природой, её мистической красотой. Часто приезжаю в родной дом и заново переживаю все памятные ощущения.

Тереза: Наиболее часто упоминаемый в твоих стихах цвет – чёрный. Что он значит для тебя? Почему именно он преобладает?

Наталья: Наверное, потому, что это цвет Ночи, а Ночь стирает внешнюю форму предметов, так что становится ощутима их внутренняя суть. Ночь позволяет острее почувствовать единение с миром, с природой. Самое яркое впечатление моего детства – звёздная ночь. Самый глубокий разговор – тоже ночью, особенно – у костра. Ночью все отключены от дневных ролей, это время песен, время любви... Ночь – это тайна, некоторая власть иного мира над здешним. В этой черноте открыт дальний мир: становится видно, что мы не ограничены пространством, что есть ещё неведомая даль. Ночь позволяет углубиться в размышления, во внутреннее созерцание. Ночь – это покой, и ты принадлежишь себе и миру, всему глубокому, сущностному. Тогда как день ставит перед тобой много внешних, не всегда приятных, не всегда тобою выбранных задач. День – уплощает, приносит много суетливых и не очень нужных впечатлений, а ночная Чернота, как ни странно, оказывается полной, наполненной и обжитой чем-то важным – самой Сутью.

Тереза: Большинство твоих стихов – о любви к жизни или о борьбе с жизнью?

Наталья: Всё-таки, о любви. Я очень надеюсь на то, что в них не происходит разрушения ткани жизни. Я не отрицаю тяжёлых сторон, не обхожу трудных вопросов, а это присуще жизни. Она разная, смешанная, неудобоваримая порой. Один мой друг говорит, что при всей моей увлечённости потусторонним – я обладаю очень мощной витальностью, то есть – *жизненностью*. Хочется думать, что у меня получается сообщить её через творчество другим людям.

Тереза: Ты тяжело переживаешь непонимание?

Наталья: Да, очень тяжело. Это такое детское ощущение – хочется быть принятой и заключённой в объятия всеми-всеми. Хочется, чтобы в тебе не видели угрозу, не воспринимали как чужую, чуждую, иную. А потом, когда ты создаёшь сильное произведение, радуешься, чувствуя его силу, а другой человек пожимает плечами – "ну и что?", а то и хуже – высмеивает, это удручает. Но в то же время утверждает в том, что, хочешь – не хочешь, нужно учиться опираться прежде всего на свои внутренние ощущения. Ориентироваться на чужую реакцию опасно и непродуктивно. Какие бы сомнения тебя ни посещали, приходишь к тому, что важно принимать свою самобытность, невзирая на то, как тебя оценивают. Не бояться того, что потеряешь объективность, признав своё творчество ценным.

Тереза: Что делает тебя бесконечно несчастной, а что бесконечно счастливой?

Наталья: Несчастной делает всё негативное: вражда, насилие, обман и манипуляции. Я остро на всё это реагирую. Жизнь в этом мире так сложна сама по себе, что, казалось бы, нужно объединиться в решении проблем, помогать друг другу, а на деле очень много неприятного и даже низкого поведения. Жить без доброжелательности окружающих мне очень сложно. Я ещё и как творческий человек повышенно восприимчива и открыта: не могу создавать каких-то глухих барьеров. Ведь тогда можно лишиться и того прекрасного, что приходит извне, можно пройти мимо добра и любви, которые люди хотят подарить тебе.

Счастливой я чувствую себя на природе. Люблю двигаться – плавать и танцевать. А бесконечно счастливой меня делает хорошее общение: бывают такие Встречи и Беседы, когда можно глубоко и интересно говорить. Забываешь обо всём, и возникает реальное ощущение присутствия в Вечности. Есть такие люди – внутренние странники, я их так называю про себя. Независимо от возраста, независимо от обстоятельств – им интересно жить, смотреть глубже, заходить дальше. Когда я их встречаю, я чувствую, что мы вместе шагаем вдаль по каким-то иным уже мирам, и впереди ещё столько чудесного, а путь бесконечен.

Тереза: Что позволило бы тебе почувствовать себя такой как все?

Наталья: Это было бы возможно, только если бы все стали подобными мне ☺. Но частично обрести это "как все" – можно с приходом ощущения, что ты не одна живёшь тем, чем живёшь, не одна интересуешься тем, чем интересуешься. А значит, не такая уж ты "экзотическая" по своей сути. Это здорово, когда можно "выйти из

подполья", и сейчас для этого больше возможностей. Вот в моём детстве, да и в молодости – это было очень сложно.

Тереза: Что помогло бы тебе поверить, что этот мир – настолько же ТВОЙ, как и другой?

Наталья: Я нацелена на то, чтобы более полно войти в этот мир, принять его, но во мне очень много опасений. Может быть, я слишком много на себя беру, пытаюсь продумать сразу все случаи жизни: а если случится то-то и то-то, а я не справлюсь? Кажется, плывёшь в утлой лодчонке по океану, и только некое чудо всё ещё держит тебя на поверхности. В этом мире нет Прочности. Нет, видимо, и во мне такого состояния души, которое отвечает за внутреннюю Прочность. Одно время повторялся сон, что всё на Земле разрушается: землетрясения... потоки воды... Я спрашиваю: "Почему так?" – и кто-то отвечает: "Внешнее со внутренним соединить не смогли". Думаю, этот сон обо мне и моём состоянии. Какого-то правильного соединения ещё не произошло. Мне волнительно даже думать об этом – и захватывающе, и страшно одновременно. Неужели может реально получиться так, что будет какой-то принципиально иной образ жизни?

Тереза: Есть ли что-то, способное в корне изменить твой взгляд на Поэзию и твою творческую манеру?

Наталья: В корне – вряд ли. Единственное, чему я завидую, – яркое, открытое выражение чувств в стихах некоторых поэтов. А зависть, как известно, это проявление собственной неудовлетворённой потребности. Хочется придти к тому, чтобы больше открывать чувства в своём творчестве. Больше писать о любви. Это особая тема, до неё нужно дозреть.

В малой мере – творческая манера может несколько меняться время от времени, в отдельных стихах. Иногда пишутся очень простые по форме стихи. Я сейчас пробую не отбрасывать строки с жизненной конкретикой, которой всегда чуждалась: мне нравится, когда с её помощью выражаются более тонкие чувства и состояния, когда открывается выход через неё к надмирному. Такое сплетение всего – меня завораживает.

для сайта www.fiolle.by
e-mail: fiolle-studio@yandex.by